

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ

МАРСИАНИН

Эдгар Райс Берроуз
Дочь тысячи джеддаков
Серия «Марсианин Джон Картер», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125543

Аннотация

Главный герой джентльмен атлетического телосложения Джон Картер волшебным образом перемещается из родной Аризоны на таинственную планету Марс. Бесчисленные подвиги героя с планеты Земля, его участие в битвах с марсианами и яростные схватки с инопланетными чудовищами дают ему возможность переосмыслить земные ценности: любовь, верность, дружбу и благородство. Данная книга по праву считается классикой мировой фантастики.

Содержание

Предисловие	4
1. В горах Аризоны	6
2. Избавление от смерти	10
3. Мое вступление на Марс	13
4. Пленник	18
5. Я ускользаю от своей сторожевой собаки	22
6. Битва, одарившая меня друзьями	25
7. Дети марсиан	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эдгар Райс Берроуз

Дочь тысячи джеддаков

Предисловие

Представляя вам необычную рукопись капитана Картера, я позволю себе предпослать ей несколько слов, посвященных этой замечательной личности.

Мое первое воспоминание о капитане Картере относится к немногим месяцам, проведенным им в доме моего отца в Виргинии, перед началом гражданской войны. Я был тогда пятилетним ребенком, но хорошо помню высокого, смуглого, безбородого человека атлетического сложения, которого я звал дядей Джоном.

Он всегда был спокоен и приветлив. С детьми он играл с тем же добродушным весельем, с каким принимал участие в развлечениях взрослых мужчин и дам. Он мог целыми часами сидеть с моей старой бабушкой, занимая ее рассказами о своих необыкновенных похождениях во всех частях света.

Мы все его любили, а наши слуги просто поклонялись ему.

Он был воплощением мужской красоты. Рост его достигал шести футов и двух дюймов, плечи его были широки, бедра узки. У него была осанка тренированного спортсмена. Черты лица чрезвычайно правильны и резко очерчены. Его коротко подстриженные волосы были черными, стальные глаза полны огня и решительности, в них отражался его сильный и прямой характер.

Манеры его были прекрасны, и он отличался изяществом, типичным для южных джентльменов высокого происхождения.

Его умение ездить верхом было настоящим чудом и вызывало восторг даже в этой стране великолепных наездников. Я часто слышал, как мой отец предостерегал его от неудержимой отваги, но он в ответ только смеялся, говоря, что не родилась еще та лошадь, со спины которой он упадет и разобьется.

Когда война началась, он покинул нас, и в течение пятнадцати или шестнадцати лет я его не видел. Он вернулся внезапно, и я с удивлением заметил, что он почти не постарел и не изменился ни в каком отношении. В обществе он был таким же веселым, жизнерадостным товарищем, каким мы его знали раньше, но когда он оставался наедине с собой, я видел, как он часами сидел, устремив взгляд в пространство; лицо его выражало тоску и безграничную горе. Он просиживал ночи напролет, устремив взор в небеса. Лишь несколько лет спустя я узнал причину подобного поведения.

Он рассказал нам, что после войны он занимался изысканиями и разработкой копей в Аризоне. Что он проделал это с успехом, было видно по колоссальному состоянию, которое он имел. О подробностях своей жизни за этот промежуток времени он говорил очень сдержанно, вернее, совсем не желал говорить.

Он прожил с нами приблизительно год и отправился потом в Нью-Йорк; там он приобрел небольшой клочок земли на Гудзоне, где я навещал его раз в год во время моих посещений нью-йоркского рынка – мой отец и я в это время имели целый ряд небольших магазинов в Виргинии. Капитан Картер владел маленьким, но красивым коттеджем, расположенным на возвышенности, с прекрасным видом на реку. Во время одного из моих посещений я заметил, что он был очень занят писанием, как я теперь полагаю, этой самой рукописи.

Тогда же он сказал мне, что в случае какого-нибудь с ним несчастья, он хотел бы, чтоб я распорядился его имуществом; он дал мне ключ от несгораемого шкафа в его кабинете,

где я найду завещание и некоторые указания, которыми он просил меня руководствоваться с абсолютной точностью.

Отправляясь спать, я видел из своего окна, как он стоял, освещенный лунным светом, на небольшом холме с простертыми к небу руками. Мне показалось, что он молился, хотя я никогда не считал его религиозным.

Несколько месяцев спустя, когда я вернулся после моего последнего визита, первого марта 1886 г. я получил телеграмму с просьбой немедленно приехать к нему. Хотя он хорошо относился ко всем членам нашей семьи, я всегда был его истинным любимцем; немудрено, что я поспешил исполнить его просьбу.

Утром 4-го марта я прибыл на маленькую станцию, расположенную на расстоянии одной мили от его поместья. Когда я попросил лакея отвезти меня к капитану Картеру, он сообщил мне печальную весть, что сегодня сторож соседнего имения ранним утром нашел капитана мертвым.

По разным причинам эта весть не очень поразила меня, но я поспешил в его поместье, чтобы позаботиться о его теле и делах.

В его маленьком кабинете я увидел сторожа, полицию и нескольких незнакомых мне горожан. Сторож подробно рассказывал, как он нашел тело, которое еще не успело остыть. Капитан лежал на снегу, с руками, вытянутыми над головой. Лежал он на краю берега. Когда сторож показал это место, меня озарила мысль, что это то самое место, где я видел его ночью с простертыми с мольбой к небу руками.

На теле не было следов насилия и, с помощью местного врача, следователь быстро выдал удостоверение, что смерть последовала от разрыва сердца. Оставшись один в кабинете, я открыл несгораемый шкаф и извлек содержимое того ящика, в котором должен был найти инструкции. Они были несколько странные, но я постарался выполнить их как можно добросовестнее во всех подробностях.

Он просил, чтобы я перевез, не бальзамируя, его тело в Виргинию и положил его в открытом гробу в склеп, который он сам выстроил и который, как я узнал позже, был снабжен хорошей вентиляцией. Согласно его распоряжению, я должен был сам проследить, чтоб все было сделано так, как он хотел, и сохранено в тайне, если это будет нужно.

Своим состоянием он распорядился так, что в течение двадцати лет я буду получать весь доход с поместья, а потом оно все перейдет ко мне. Дальнейшие распоряжения касались этой рукописи, которую я не должен был распечатывать и читать одиннадцать лет. Я имел право огласить ее содержание только через двадцать один год после его смерти.

Гробница, в которой лежало его тело, имела ту особенность, что ее массивная дверь запиралась только одним огромным позолоченным пружинным замком, который отпирался только изнутри.

Искренне преданный

Эдгар Берроуз.

1. В горах Аризоны

Мне очень много лет; сколько – я сам не знаю. Быть может, сто, быть может, больше. Точно ответить не могу, так как я никогда не старился, подобно другим людям, и детство тоже не удержалось в моей памяти. Насколько я припоминаю, я всегда был мужчиной в возрасте около тридцати лет. Вид у меня теперь точно такой же, как сорок лет назад, и все же я чувствую, что вечно жить не буду, что в один «прекрасный» день умру реальной смертью, после которой нет воскрешения. Я не знаю, почему боюсь смерти, ведь я умирал дважды – и все еще жив. И все-таки я ощущаю перед ней такой же ужас, как и вы, которые не умирали ни разу, и мне думается, что именно этот страх смерти внушает мне такое твердое убеждение в моей смерти.

И вот, в силу убеждения, я решил написать повесть об интереснейших моментах своей жизни и смерти.

Объяснить эти сверхъестественные события я не могу; я могу лишь изложить простыми словами обыкновенного искателя приключений хронику странных происшествий, случившихся со мной за десять лет, в продолжение которых мое мертвое тело лежало не найденным в одной из пещер Аризоны.

Я никогда еще не рассказывал этой истории, и ни один смертный не увидит эту рукопись, пока я не отойду в вечность. Я знаю, что средний человеческий ум не верит тому, чего он не в состоянии постигнуть и потому нисколько не буду поражен, если общество, ученый мир и пресса осмеют меня, и я прослышу лжецом, а между тем, я сообщу здесь лишь весьма простые истины, которые когда-нибудь будут санкционированы наукой. Может быть, сведения, добытые мною на Марсе, и все данные, которые я впишу в эту хронику, будут способствовать тому, что человечество скоро узнает тайну родственной нам планеты, тайну, которая, впрочем, для меня уже давно раскрыта.

Мое имя – Джон Картер, но я более известен как капитан Картер из Виргинии. По окончании гражданской войны я оказался обладателем нескольких сот тысяч долларов (к сожалению, конфедеративных) и чином капитана кавалерийского эскадрона уже несуществующей армии, слугой государства, исчезнувшего вместе с надеждой юга. Итак, без службы, без родины, совершенно разоренный, обладая единственным средством к существованию – готовностью к борьбе – я решил направиться на юго-запад и попытаться там восстановить свое состояние в поисках золота.

В этих поисках я провел около года в обществе другого конфедеративного офицера, капитана Джемса К. Поуэля из Ричмонда. Нам чрезвычайно повезло, – в конце зимы 1865 г., после целого ряда неудач, мы нашли богатейшую золотоносную кварцевую жилу, которой не могли представить себе даже в самых дерзновенных мечтах. Поуэль, горный инженер по образованию, установил, что за три месяца мы нашли золота на сумму свыше миллиона долларов.

Так как наша экипировка была крайне примитивна, мы решили, что один из нас должен вернуться в цивилизованный мир, чтобы закупить необходимые машины и нанять достаточное количество людей для разработки копи.

Так как Поуэль хорошо знал местность, а также был отлично осведомлен в вопросах горного дела, то мы решили, что экспедицию эту должен совершить он. Я же должен был оставаться на страже нашей жилы и оберегать ее от захвата каким-нибудь странствующим искателем.

3-го марта 1866 г. мы навьючили двух осликов багажом Поуэля и распрощались. Он сел на лошадь и стал спускаться по горному хребту в долину, через которую лежал его путь.

Утро, в день отъезда Поуэля, было, как обычно в Аризоне, ясное. Я следил взором за ним и его маленькими выючными животными, спускавшимися с откоса горы вниз к долине. Все утро они мелькали перед моими глазами, то отступая немного назад и вверх, то появляясь на ровном плоскогорье. В последний раз я видел Поуэля около трех часов пополудни, когда он вступил в тень горной цепи, видневшейся по ту сторону долины.

Спустя полчаса я случайно бросил взгляд в сторону долины и был чрезвычайно изумлен при виде трех маленьких точек, черневших в том месте, где я видел в последний раз своего друга и двух его осликов. Я не склонен к излишней мнительности, но чем больше я старался убедить себя, что с Поуэлем все обстоит благополучно, и что точки, которые я видел двигающимися по его следам, были антилопы или дикие лошади, тем не менее мне это не удавалось.

С тех пор, как мы вступили на эту территорию, мы не встретили ни одного враждебного индейца, и потому беззаботность наша дошла до крайнего предела. Мы высмеивали все слышанное нами об этих хищных мародерах, якобы шнырявших по горным тропам, где они жадно выслеживали добычу. По рассказам, они подвергали жесточайшим мучениям всякого белого, попавшего в их беспощадные когти.

Я знал, что Поуэль прекрасно вооружен и, кроме того, обладает большим опытом в схватке с индейцами; но я жил в течение ряда лет на севере, где мне неоднократно приходилось сталкиваться с сиу, и мне было ясно, что шансы его против шайки хитрых апачей весьма слабы. В конце концов, состояние неизвестности стало для меня нестерпимым; вооружившись двумя револьверами Кольта и карабином, я вскочил на верховую лошадь и направился по следам Поуэля.

Как только я въехал на более или менее ровную дорогу, я пустил свою лошадь галопом и, таким образом, продолжал свой путь, поскольку это представлялось возможным до самых сумерек. Было уже почти темно, когда я вдруг заметил какие-то следы, присоединившиеся к следам Поуэля. Это были следы трех неподкованных жеребцов, и видно было, что они мчались галопом.

Я спешно продолжал свой путь, пока не наступила полная темнота, вынудившая меня дожидаться восхода Луны. В ожидании мне оставалось только углубиться в размышления о целесообразности моей погони. Возможно, что я сам, подобно нервной женщине, придумал несуществующие опасности, и что при встрече с Поуэлем все мои опасения разрешатся громким смехом. Однако я не был склонен к чувствительности, а чувство долга, к чему бы оно ни вело, было для меня своего рода фетишем на протяжении всей моей жизни, возможно, именно этому принципу я обязан всеми почестями, которыми удостоили меня три республики, а равно и орденами, и дружеским расположением, которым одарил меня старый могущественный император, а также и некоторые другие, менее именитые властители, на службе которых я состоял.

Около девяти часов Луна светила уже достаточно ярко, и я мог продолжать свой путь; без особого труда я довольно быстро продвигался вперед по тропинке, местами пуская коня легкой рысью. Около полуночи я добрался до водоема, у которого, как я знал, Поуэль предполагал сделать привал. Я выехал на это место совершенно неожиданно для себя и нашел его совершенно пустынным, без малейших признаков недавнего пребывания здесь человека.

Я заметил, что следы преследующих всадников, – а в том, что это были преследователи, я был теперь совершенно убежден, – шли все время за следами Поуэля, лишь с коротким перерывом на остановку у водоема, и все время скорость их движения оставалась равной скорости движения Поуэля.

Теперь я знал совершенно определенно, – что преследователи были апачи, и что они намеревались захватить Поуэля живым, чтобы насладиться его мучениями. Поэтому,

несмотря на опасность дороги, я галопом погнал коня в надежде догнать краснокожих варваров раньше, чем они настигнут моего друга.

Дальнейшие мои размышления были прерваны отзвуком выстрелов, раздавшихся далеко впереди меня. Я понял, что в данный момент Поуэль нуждается во мне больше, чем когда-либо, и я немедленно пустил лошадь бешеным карьером вверх по узкой горной тропе.

Я проскакал целую милю или даже больше, не слыша ни одного звука. Внезапно тропинка оборвалась и перешла в небольшое открытое плоскогорье, вблизи которого возвышалась вершина горы. Чтобы выбраться на это плоскогорье, мне пришлось проехать через узкий проход, у конца которого я остановился, как вкопанный, так как зрелище, представившееся теперь моим глазам, наполнило мою душу изумлением и ужасом.

Небольшая полоска равнины сплошь белела индейскими шатрами. Посредине лагеря с полтысячи краснокожих воинов сгрудились вокруг какого-то предмета. Внимание их было приковано к нему настолько, что они не заметили моего приближения, и я мог бы с легкостью повернуть назад под темные своды ущелья и, таким образом, ускользнуть от них. Однако то обстоятельство, что мысль эта возникла у меня лишь на другой день, лишает меня права на звание героя, которым, в противном случае, повествование об этом эпизоде могло бы меня наградить.

Не думаю, что я был создан из материала, из которых делаются герои, так как из всех тех многочисленных случаев, когда свершаемые мною поступки ставили меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного, когда возможность иного образа действия, нежели предпринятый мною, открылся бы мне ранее, чем через много часов. Разум мой, по-видимому, устроен таким образом, что я подсознательно следую велению чувства долга, не прибегая к утомительным мозговым процессам. Во всяком случае, я никогда не сожалел, что трусость не является принадлежностью моей натуры.

В эту минуту я, конечно, понял, что центром всеобщего внимания был не кто иной, как Поуэль. Что последовало раньше – мысль или поступок – не знаю, но через мгновение я выхватил из-за пояса свой револьвер и стал быстро посылать выстрел за выстрелом в самую гущу краснокожей толпы, издавая в то же время дикие крики изо всей силы своих легких. В моем положении я вряд ли мог придумать что-нибудь лучшее, так как ошеломленные неожиданностью краснокожие, в полной уверенности, что их настиг целый отряд регулярной армии, бросились врассыпную за своими луками, стрелами и карабинами.

Зрелище, представившееся теперь моим глазам, заставило застыть кровь в моих жилах. Под яркими лучами аризонской луны лежал Поуэль; тело его было покрыто густой щетиной вражеских стрел. В том, что он уже был мертв, не могло быть ни малейшего сомнения, и все же я постарался спасти его тело от поругания, как если бы дело шло о спасении его жизни.

Подъехав к нему вплотную, я нагнулся и, ухватившись за его патронный пояс, взвалил тело на холку моей лошади. Взгляд, брошенный мною назад, убедил меня, что возвращение более рискованно, нежели продолжение пути вперед через плоскогорье. Пришпорив моего измученного скакуна, я помчался к ущелью, видневшемуся вдали по ту сторону равнины.

Тем временем индейцы успели сообразить, что я один, и мне вслед полетели проклятья, сопровождаемые стрелами и карабинными пулями. То обстоятельство, что при лунном свете может попасть в цель, пожалуй, только проклятье, учитывая их крайне неуравновешенное душевное состояние, а также быстрый бег моего коня – все это спасло меня от метательных снарядов врага, и я получил возможность добраться под прикрытие ближайших возвышенностей прежде, чем дикари успели организовать настоящую погоню.

Конь мой продвигался вперед без поводьев, так как я знал, что он найдет верный путь скорее, нежели я. Но на этот раз он ошибся и пошел по тропе, ведущей к вершине горной цепи, а не к ущелью, через которое я надеялся выбраться в долину и таким образом спастись

от погони. Возможно, однако, что именно этой ошибке я обязан жизнью и теми замечательными приключениями, которые произошли со мной в течение последующих десяти лет.

Первая мысль о том, что я на верном пути, мелькнула у меня, когда вопли преследуемых стали доноситься до меня слева и притом стали менее внятными.

Я понял, что они направились по левую сторону зубчатой скалистой возвышенности, окаймляющей плоскогорье, в то время как мой конь вынес меня и тело Поуэля по правую ее сторону.

Я очутился на небольшом ровном выступе скалы, с которого можно было разглядеть тропинку внизу, и увидел, как кучка преследовавших меня дикарей исчезла за вершиной соседней горы.

Мне было ясно, что индейцы скоро обнаружат свою ошибку, и тогда погоня будет возобновлена по верному направлению, стоит им только напасть на мои следы.

Я успел проехать лишь очень небольшое расстояние, как вдруг перед моими глазами вырос большой скалистый утес. Тропинка, по которой я ехал, была ровная, довольно широкая и вела вверх именно в этом направлении. По правую руку от меня возвышалась скала, вышиной в несколько сот футов, а по левую сторону оказался такой же крутой, почти отвесный спуск, ведущий на дно скалистого оврага.

Я не проехал и ста ярдов, как резкий поворот вправо вывел меня к отверстию большой пещеры. Отверстие было четыре фута в высоту и от трех до четырех футов в ширину. Тропинка кончалась у самой пещеры.

Утро уже наступило, и, как всегда в Аризоне, все внезапно озарилось ярким дневным светом.

Сойдя с лошади, я положил тело Поуэля на землю. Самый тщательный его осмотр не обнаружил ни малейших признаков жизни. Я вливал воду из своей фляги в его мертвые губы, смачивал его лицо водой, тер руки, словом, провозился с ним около часа, будучи в то же время совершенно уверенным в его смерти.

Я очень любил Поуэля. Он был настоящим мужчиной, джентльменом и хорошим верным товарищем. С чувством глубокой скорби я прекратил свои тщетные попытки оживить его.

Оставив тело Поуэля там, где оно лежало, на самом краю площадки, я вполз внутрь пещеры для рекогносцировки. Здесь я нашел большое помещение, примерно в сто футов в диаметре и в тридцать или сорок футов в высоту. Ровный, хорошо утопанный пол и многие другие внешние признаки свидетельствовали о том, что когда-то, в отдаленные времена, пещера эта была обитаемой. Задний план ее был настолько скрыт в густой тени, что я не мог разобрать, имеются ли там еще выходы в другие помещения или нет.

Продолжая свой осмотр, я начал ощущать приятную сонливость, охватившую мое существо, что я приписал своей усталости от длительной и напряженной верховой езды, а также реакции после возбуждения борьбы и погони.

Я чувствовал себя в новом помещении в относительной безопасности, так как видел, что один человек может защитить тропинку, ведущую в пещеру, против целой армии.

Охватившая меня полудремота вскоре стала так сильна, что я с трудом противостоял властному желанию броситься на землю и заснуть. Я сознавал, что это совершенно недопустимо, так как это означало бы верную смерть от рук моих краснокожих «друзей», которые могли нагрянуть ко мне каждую минуту. Сделав над собой усилие, я направился к выходу из пещеры, но сильное головокружение отбросило меня к боковой стене, и я навзничь упал на землю.

2. Избавление от смерти

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы мои ослабели, и я был уже близок к тому, чтобы уступить желанию заснуть, как вдруг до моего слуха донесся звук приближающегося лошадиного топота. Я сделал попытку вскочить на ноги, но, к величайшему своему ужасу, обнаружил, что мускулы мои отказываются повиноваться моей воле. Я был в полном сознании, но не мог пошевелить ни одним мускулом, как бы превратившись в камень. И в этот самый момент я впервые заметил, что пещеру наполняет какой-то прозрачный туман, заметный лишь у самого выхода, озаренного дневным светом. Из всего этого я заключил, что подвергся действию какого-то ядовитого газа, но не мог понять, почему я сохранил мыслительные способности, в то же время будучи не в состоянии сделать ни одного движения. Я лежал лицом к выходу из пещеры, откуда мне была видна узкая полоска тропы, проходившая между пещерой и поворотом утеса, который огибала эта тропа. Звук приближающегося лошадиного топота прекратился, и я понял, что индейцы осторожно подкрадываются ко мне вдоль выступа, ведущего к моей страшной могиле. Я припоминаю, что надеялся, на то, что они быстро покончат со мной, так как меня не особенно радовало предвкушение тех многочисленных пыток, которым они меня подвергнут, если дадут волю своей фантазии.

Ждать пришлось недолго. Легкий шорох известил меня, что враг рядом. Из-за гребня скалы показалась ярко раскрашенная физиономия в военном головном уборе, и злобные глаза впились в меня. Я был уверен, что, несмотря на царивший в пещере полумрак, он прекрасно видел меня, так как лучи утреннего солнца падали прямо на меня через входное отверстие.

Однако вместо того чтобы приблизиться, краснокожий стоял неподвижно, с вытаращенными глазами и открытым ртом. Затем показалась еще одна дикая физиономия, потом третья, четвертая и пятая, причем каждый перегибался через плечо своего соседа, так как выступ скалы был слишком крут, чтобы обойти его кругом.

Каждая физиономия являла собой воплощение страха и ужаса, но причина их испуга была мне так же непонятна, как и десять лет спустя. Что кроме смотревших находились еще люди, можно было заключить из того, что вожди шепотом передавали что-то стоящим за ними.

Внезапно из глубины пещеры, откуда-то позади меня, раздался слабый, но внятный стон. Как только он достиг слуха индейцев, они повернулись и – бросились бежать, охваченные паникой. Их стремление ускользнуть от невидимой опасности, находившейся позади меня, было настолько велико, что один из них был сброшен с утеса вниз головой на острые камни ущелья. В течение нескольких мгновений в воздухе раздавались их дикие крики, затем все стихло.

Звук, испугавший моих врагов, больше не повторялся, но и одного раза было достаточно для того, чтобы заставить меня углубиться в размышления о неизвестном чудовище, скрывавшемся во мраке за моей спиной. Страх – относительное понятие. Поэтому я могу измерить мои ощущения только путем сравнения их с тем, что было испытано мною в других опасных положениях, имевших место в моей жизни до и после этого дня. Я могу без зазрения совести сказать, что если ощущения, испытанные мною в течение последующих нескольких минут, были страхом – да поможет господь бог трусу, так как трусость, несомненно, является его собственной карой.

Быть в состоянии парализованности, спиной к ужасной и неизвестной опасности, один звук которой обратил в паническое бегство бесстрашных апачей – кажется мне апогеем ужасных положений даже для человека, испытанного в борьбе за свою жизнь.

Несколько раз мне казалось, что я слышу позади себя слабые звуки, как будто кто-то осторожно двигается. Но это скоро прекратилось, и я был предоставлен спокойным размышлениям о своем положении. Я мог лишь смутно догадываться о причине моего паралича, и единственная моя надежда была на то, что он прекратится так же внезапно, как и начался.

К концу дня мой конь, стоявший до сих пор непривязанным у входа в пещеру, повернулся и стал медленно спускаться вниз по тропинке, очевидно, в поисках пищи и воды. И вот я остался один с таинственным существом позади себя и с мертвым телом моего друга, лежавшим там, куда я положил его на рассвете.

С этой минуты до полуночи вокруг меня царил тишина – тишина смерти. И вдруг ужасный стон вновь достиг моего содрогнувшегося слуха, и вновь из густого мрака пещеры, позади меня, послышался звук от движения какого-то существа и как бы слабое шуршание сухих листьев. Это потрясение оказалось чрезмерным для моих напряженных нервов, и сверхчеловеческим усилием воли я сделал попытку порвать свои ужасные оковы. Это было усилие разума, воли, нервов, но – увы, не мускулов, так как я не мог пошевелить даже мизинцем.

Затем я ощутил сильный внутренний толчок, мгновенную тошноту, услышал треск как бы ломающегося стального прута, и почувствовал себя прислоненным к стене пещеры, лицом к лицу со своим неизвестным врагом.

В эту минуту лунный свет озарил внутренность пещеры, и... прямо перед собой я увидел свое собственное тело, расprostертое в той же позе, в какой оно пролежало все эти часы: с широко открытыми глазами, устремленными к входу в пещеру, с безжизненно раскинутыми руками. Охваченный полнейшей растерянностью, я переводил взгляд со своей недвижимой земной оболочки, лежавшей на полу, на себя, стоящего у стены. На земле я лежал одетый, и в то же время стоял у стены совершенно нагой, как в час своего рождения.

Превращение было настолько внезапно и неожиданно, что на минуту я забыл обо всем, кроме своей чудесной метаморфозы. Первой моей мыслью было: неужели это и есть смерть? Неужели я действительно перешел по ту сторону жизни? Но я не мог вполне поверить этому, так как ясно ощущал сильный стук сердца о ребра – результат моего усилия освободиться от сковавшего меня онемения. Дыхание мое вырывалось из груди быстрыми, короткими порывами, холодный пот выступил из каждой поры моего тела. Я применил испытанный способ проверки – щипок – и убедился, что я не призрак.

В эту минуту повторившийся глухой стон из глубины пещеры напомнил мне окружающую меня обстановку. У меня не было ни малейшего желания стоять лицом к лицу с угрожающим мне невидимым врагом, так как я был наг и безоружен.

Мои револьверы были пристегнуты к моему безжизненному телу, к которому я по какой-то непреодолимой причине не мог заставить себя прикоснуться. Карабин мой был прицеплен к моему седлу, а так как конь мой ушел, то я остался безо всяких средств для защиты. Единственным выходом из создавшегося положения было бегство. Решение бежать укрепилось, когда я вновь услышал шуршащий звук приближающегося ко мне существа, которое, как показалось моему расстроенному воображению, осторожно ползло на меня из мрака пещеры.

Не будучи более в состоянии противиться искушению бежать из этого ужасного места, я быстро проскользнул в отверстие входа и очутился под звездным небом ясной аризонской ночи. Резкий свежий горный воздух по ту сторону пещеры сразу оказал на меня свое подкрепляющее действие, и я почувствовал, как вливается в меня новая жизнь и новая отвага. Остановившись на несколько мгновений на краю выступа, я старался восстановить свое помутившееся сознание. Я размышлял о том, что в течение многих часов я пролежал совершенно беспомощный в пещере, и все же ничто не причинило мне вреда. Логика и здравый смысл подсказывали мне, что слышанные мною шорохи происходили, по-видимому, от

каких-нибудь естественных и совершенно невинных причин. Может быть, само строение пещеры таково, что легкое дуновение ветра производило слышанные мною звуки.

Я решил вновь отправиться на разведку. Но прежде чем двинуться с места, я поднял голову, чтобы наполнить свои легкие чистым, укрепляющим горным воздухом. В эту минуту взгляд мой упал на расстилающуюся передо мной прекрасную панораму горных хребтов и равнин, поросших кактусами. Под фосфорическими лучами луны картина эта казалась сказочной и овеянной каким-то особым очарованием.

Немногие чудеса Запада могут так вдохновить человека, как освещенный луной горный пейзаж Аризоны: посеребренные горы вдали, странное сочетание света и тени, причудливые контуры своеобразно-красивых кактусов создают восхитительную картину, и человеку, видящему ее, кажется, что он впервые заглянул в какой-то мертвый или забытый мир, совершенно непохожий на все другие места земного шара.

Погруженный в созерцание, я перевел взор с земли на небеса, где мириады звезд раскинули великолепный шатер для красавицы Земли. Внимание мое внезапно было привлечено большой красной звездой, видневшейся недалеко от горизонта. И, смотря на нее, я почувствовал себя во власти какой-то могучей, волшебной силы. Это был Марс, бог войны, который мне, воину, всегда представлялся чем-то непреодолимо влекущим.

И в эту далекую незабвенную ночь, когда я, как заколдованный, не мог оторвать от него свой взор, мне показалось, что он властно призывает меня к себе через необозримое пространство, манит меня кинуться к нему, как магнит притягивает к себе кусок железа.

И тяготение мое к нему оказалось непреодолимым. Я закрыл глаза, простер руки по направлению к призывавшему меня богу войны, и почувствовал, как с быстротой молнии какая-то волшебная сила понесла меня в необозримое пространство.

На мгновение резкий холод и непроницаемый мрак окружили меня.

3. Мое вступление на Марс

Открыв глаза, я увидел странный ландшафт. Я знал, что нахожусь на Марсе. Я ничуть не сомневался, что пребываю в здравом уме, а также и в том, что все происходит наяву. Я не спал. Мое внутреннее сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, с какой ваше говорит вам, что вы на Земле.

Я увидел себя на ложе из желтоватой похожей на мох растительности, расстилавшейся вокруг меня в целые мили.

По-видимому, я лежал в глубокой, круглой впадине, через край которой я видел неопределенные очертания низких холмов.

Был полдень. Солнце светило прямо надо мной, и зной его был совершенно невыносим для моего обнаженного тела: он был значительно сильнее, чем бывает в то же время дня где-нибудь в пустыне Аризоны. Там и сям возвышались небольшие выступы кварцевых скал, сверкавших на солнце, а влево от меня, на расстоянии ста ярдов, виднелось низкое строение высотой около четырех футов. В поле моего зрения не было видно ни воды, ни какой-либо иной растительности, кроме мха. Я же ощущал жажду и потому решил предпринять разведку.

Когда я вскочил на ноги, Марс преподнес мне свой первый сюрприз: усилие, которое на Земле лишь поставило бы меня на ноги, подняло меня на Марсе в воздух на три ярда. Я плавно опустился вниз, не испытав ни малейшего потрясения или повреждения. И вот начался процесс моего развития, который даже и тогда казался мне крайне забавным. Я обнаружил, что должен снова учиться ходить, так как мускульные движения, легко и крепко носившие меня на Земле, здесь, на Марсе, проделывали со мной ряд самых неожиданных вещей.

Я пытался двигаться вперед нормальным, достойным джентльмена образом, однако все мои попытки в этом направлении не дали ничего, кроме ряда комичных прыжков. Каждый шаг отрывал меня от почвы одновременно обеими ногами и через два или три скачка швырял меня навзничь. Мускулы мои, прекрасно координированные и приспособленные к закону тяготения на Земле, разыгрывали со мной злейшие шутки, когда я впервые попытался вступить в поединок с меньшим тяготением и более низким атмосферным давлением на Марсе.

И все же я твердо решил осмотреть окрестности и строение, которое являлось единственным признаком обитаемости этого места. Итак, я ухватился за единственный представившийся мне возможным способ передвижения: я решил впасть в детство и пополз на четвереньках. Это мне удалось очень хорошо, и через несколько мгновений я уже добрался до низкой стены, окружавшей интересующее меня здание.

Ближайшая ко мне стена не имела ни окон, ни дверей. Так как высота ее была не более четырех футов, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее вниз, внутрь строения – и тут моим глазам представилось необычайное, фантастическое зрелище.

Крыша строения была из крепкого стекла, толщиной в 4–5 дюймов, а под ней лежало несколько сот больших яиц, совершенно круглых и снежно-белых. Почти все яйца были совершенно одинакового размера – в два с половиной фута в диаметре.

Четыре или пять штук из них уже открылись, и причудливо-карикатурные фигурки, сидящие возле них, не позволяли мне довериться своему зрению. Большую часть такой фигурки составляла голова, к которой при помощи длинной шеи присоединилось маленькое слабое тельце с шестью ногами, или, как я узнал позже, с двумя ногами, двумя руками и парой промежуточных конечностей, которые могут быть применяемы и в качестве рук, и в качестве ног. Глаза посажены по краям головы, немного выше ее центра; они вращаются

таким образом, что могут быть направлены как вперед, так и назад, причем оба глаза совершенно независимы один от другого, благодаря чему это уродливое существо может смотреть в любом направлении или в двух направлениях одновременно, без необходимости поворачивать для этого голову.

Уши, помещающиеся близко над глазами, но несколько более сдвинутые, нежели глаза, имеют форму небольших куполообразных щупальцев. Они выдаются над головой примерно на один дюйм. Нос представляет собой продольную расщелину в центре лица, между ртом и ушами.

Тела их совершенно лишены волос, а кожа имеет светлую, желтовато-зеленую окраску. Как я узнал позднее, у взрослых марсиан эта окраска переходит в зелено-оливковый цвет, причем у мужчин она темнее, нежели у женщин. Кроме того, у взрослых голова не так непропорционально велика, как у детей.

Радужная оболочка глаз кроваво-красного цвета, как у альбиносов, а зрачок темный. Глазное яблоко совершенно белое, как и зубы. Последние придают особенно хищное выражение и без того неприятной и страшной физиономии, так как нижние клыки загибаются вверх, переходя в острые концы, оканчивающиеся там, где помещаются глаза у земного существа. Белизна зубов не напоминает слоновую кость – она сверкает, как алебастр. На темном фоне оливковой кожи клыки эти выделяются необычайно резко, придавая этому своеобразно оружию особенно страшный вид.

Многие из этих деталей я заметил лишь значительно позже, так как у меня оказалось слишком мало времени для рассматривания обнаруженных мною чудес. Это был как раз момент вылупливания из яиц, и я с большим интересом следил за тем, как маленькие уродцы выползали из своей оболочки. Между тем сзади ко мне приближалась группа взрослых марсиан.

Бесшумно двигаясь по мягкому мху, покрывавшему всю поверхность Марса, за исключением замерзших областей у полюсов и некоторых обработанных площадей, они с легкостью могли бы схватить меня, но намерения их были значительно более коварными. Бряцанье оружия переднего воина предупредило меня об их приближении.

От такой ничтожной случайности зависела тогда моя жизнь, что я диву даюсь, как мне удалось так легко спастись. Если бы карабин вождя отряда не покачнулся в своих кольцах сбоку от седла и не ударился о конец копья – я бы был уничтожен в мгновение ока, не успев даже ощутить приближение смерти. Но этот легкий звук заставил меня обернуться, и я увидел, что на расстоянии десяти футов от моей груди сверкает острие ужасного копья, длиной футов в сорок, с блестящим металлическим наконечником. Передо мной был отряд воинственных всадников, явившихся на защиту маленьких дьяволят, которых я наблюдал.

Какими ничтожными и безобидными показались мне теперь малыши в сравнении с приближавшимися ко мне взрослыми исполинами, воплощением ненависти, мести и смерти. Рост мужчины – буду называть его этим именем – достигал пятнадцати футов; на Земле он, вероятно, весил бы около десяти пудов. Он восседал на своем Росинанте, как мы сидим на лошади, обхватив его корпус своими нижними конечностями, в то время как кисти его двух правых рук были протянуты в стороны для сохранения равновесия, так как животное, на котором он сидел, не имело ни поводьев, ни узды, ни малейшего приспособления для управления.

А чего стоит вид этого животного! Как описать его человеческими словами! Рост его от плеча был не менее десяти футов, с каждой стороны его туловища было по четыре ноги; широкий плоский хвост, более широкий на конце, нежели у корня, во время бега был горизонтально вытянут в воздухе, огромная пасть разверзалась посреди головы, занимая место от носа до длинной, массивной шеи.

Подобно своему господину, животное было совершенно безволосым. Его огромное тело было покрыто кожей темно грифельного цвета, чрезвычайно гладкой и лоснящейся. Живот был белый, а окраска его ног, начиная сверху от темных плеч и бедер цвета сланца, постепенно переходила в ярко-желтый цвет на ступнях ног. На самих ступнях виднелись как бы огромные подушки и совершенно отсутствовали копыта или когти, чем также в значительной степени объяснялась бесшумность их приближения. Между прочим, эта особенность, в совокупности со множеством ног, является характерной чертой фауны Марса. Только высший тип человека, а также еще одно животное – единственное млекопитающее на Марсе – имеют настоящие ногти. Копытные животные на Марсе отсутствуют совершенно.

Вслед за передовым демоном тянулось еще девятнадцать, похожих на него во всех отношениях. Но, как я узнал позже, каждый все-таки отличался какими-либо индивидуальными особенностями среди марсиан, как и среди нас, не бывает двух совершенно одинаковых существ, хотя все мы отлиты по одной форме.

Картина эта, или вернее, материализованный кошмар, произвела на меня впечатление поражающее и ужасающее.

Я был наг и безоружен и поспешил применить первый, уже открывшийся мне закон природы к единственно возможному разрешению моей непосредственной задачи: стремлению выйти из пределов досягаемости острия нацеленного на меня копья. Для этого я сделал весьма земной, и в то же время сверхчеловеческий прыжок, чтобы достигнуть верхушки марсианского инкубатора, как я определил это строение.

Попытка моя увенчалась успехом, ошеломившим меня не менее, нежели марсианских воинов, так как я почувствовал себя поднятым в воздух на тридцать футов, а затем отброшенным на сто футов в сторону от моих преследователей. Я легко и благополучно опустился на мягкий мох.

Обернувшись, я увидел, что враги мои сгруппировались вдоль другой стены. Некоторые наблюдали за мной с выражением, которое, как я узнал позже, должно было означать удивление, а другие, по-видимому, были совершенно удовлетворены тем, что я не тронул их детенышей.

Они тихо переговаривались между собой, жестикулируя и указывая на меня. Обнаружив, что я не причинил никакого вреда маленьким марсианам, а также, заметив, что у меня нет оружия, они стали смотреть на меня менее свирепо, но, как я узнал потом, главную роль в этом сыграла проявленная мною ловкость.

Будучи огромных размеров и обладая крупным костяком, марсианин отличается мускулатурой, пропорциональной лишь тому закону силы тяжести, с которым ему приходится иметь дело. Поэтому обитатели Марса значительно менее проворны и сильны по отношению к своему весу, нежели люди Земли, и я сомневаюсь, чтобы марсианин, перенесенный на Землю, мог поднять свое тело.

Вот почему моя ловкость показалась на Марсе такой же чудесной, какой она показалась бы и на Земле, и желание уничтожить меня уступило желанию захватить меня живым, чтобы продемонстрировать своим соплеменникам.

Отсрочка, обретенная мною благодаря моему неожиданному проворству, дала мне возможность построить план действий на ближайшее будущее, а также ближе ознакомиться с видом воинов, так как до этой минуты рассудок мой не мог отделить этих людей от тех, которые преследовали меня за день до того.

Я заметил, что каждый был вооружен множеством различного оружия, и снабжен огромным копьем, описанным мною выше. Оружие, которое заставило меня обратиться в бегство, окончившееся полетом, оказалось чем-то вроде карабина, которым, как я сразу почувствовал, марсиане управляли с особой ловкостью.

Это оружие было из белого металла, с ложем из дерева, добываемого, как я узнал впоследствии, из очень легковесного и в то же время прочного растения, широко распространенного на Марсе и совершенно неизвестного нам, обитателям Земли. Металл, из которого сделан ствол, представлял собой сплав, составленный главным образом из алюминия и стали. Эти металлы марсиане научились закалять до твердости, значительно превышающей обычную, известную нам твердость стали. Вес оружия относительно невелик. Благодаря мелкокалиберным разрывным снарядам из радия, действие этого карабина всегда смертельно. Кроме того, оно действует на расстоянии, совершенно немыслимом на Земле. Теоретический радиус действия этого карабина равняется тремстам милям, но фактическая дальность прицела – двести миль.

Этого, однако, вполне достаточно для того, чтобы преисполнить меня большим уважением к огнестрельному оружию марсиан.

По-видимому, какая-то телепатическая сила предостерегла меня от попытки бежать при ярком дневном свете от жерл этих двадцати смертоносных машин.

После коротких переговоров марсиане повернули своих коней и умчались в том же направлении, откуда явились, оставив возле инкубатора лишь одного воина. Отъехав примерно на двести ярдов, они остановились, и, повернув своих коней в нашу сторону, стали наблюдать за воином, стоявшим у строения.

Это был тот самый, копьё которого едва не пронзило меня. По-видимому, это был их вождь, так как, насколько я понял, остальные заняли свою теперешнюю позицию по его приказанию. Когда отряд остановился, он снял свое копьё и остальное оружие, и стал обгибать инкубатор, направляясь ко мне, совершенно обнаженный и невооруженный, как и я, за исключением лишь украшений, сверкающих на его голове, конечностях и на груди.

Приблизившись ко мне на пятьдесят футов, он снял с руки огромный металлический браслет и, держа его на ладони протянутой ко мне руки, обратился ко мне громким, ясным голосом, но на языке, который, само собой разумеется, был мне совершенно непонятен. Затем он остановился, как бы ожидая моего ответа, насторожив свои щупальцеобразные уши и вперив в меня ужасные глаза.

Когда молчание стало тягостным, я со своей стороны решил осмелиться заговорить, так как я понял, что он предлагает мне мир. То, что он снял с себя все оружие и удалил весь свой отряд, прежде чем приблизиться ко мне, несомненно говорило о его миссии мира. Почему бы на Марсе это не могло иметь то же значение, что и на Земле?

Приложив руку к сердцу, я низко склонился перед марсианином и объяснил ему, что, несмотря на то, что я не понимаю его языка, поступки его ясно говорят мне о мире и дружбе, которые в настоящий момент очень дороги моему сердцу. Несомненно, я мог бы с равным успехом молотить и совершеннейшую чушь, так как слова мои остались для него непонятными. Он понял лишь поступок, которым я завершил непосредственно свою речь.

Протянув руку, я приблизился к нему, взял браслет с его открытой ладони, и надел себе на руку поверх локтя. Затем я улыбнулся ему и принял выжидательную позу. Его огромный рот расплылся в ответной улыбке, он вложил одну из своих промежуточных рук в мою, мы повернулись и зашагали по направлению к его Росинанту. В то же время он сделал знак своим подчиненным. Они помчались к нам, но были остановлены его сигналом. По-видимому, он испугался, что я могу опять сделать прыжок, который окончательно унесет меня из поля его зрения.

Он обменялся несколькими словами со своими людьми, знаками попросил меня ехать позади одного из них и затем сел на своего коня. Указанный воин протянул две или три руки, поднял меня с земли и усадил позади себя на лоснящийся круп своего коня, где я кое-как пристроился, держась за ремни и перевязи оружия марсианина.

Затем вся кавалькада повернула и понеслась галопом по направлению к горной цепи, видневшейся вдали.

4. Пленник

Мы проехали около десяти миль, когда почва заметно стала повышаться. Как я узнал позже, мы приближались к берегу одного из давно уже высохших морей Марса, на дне которого состоялась моя первая встреча с марсианами.

Вскоре мы достигли подножия горной цепи и, проехав через узкое ущелье, выбрались на открытую долину, на окраине которой было низкое плоскогорье. На нем я увидел огромный город. Мы помчались по направлению к нему.

Мы ехали теперь по разрушенному шоссе, выходящему прямо из города, но достигавшему лишь края плоскогорья, где оно внезапно обрывалось, переходя в лестницу, состоящую из ряда широких ступеней.

При ближайшем рассмотрении, когда мы проезжали по городу, я увидел, что строения необитаемы и, несмотря на незначительные разрушения, пустуют, по-видимому, уже много лет. В центре города была большая площадь, которая, равно как и прилегающие к ней здания, была занята лагерем, принадлежащим девятистам или тысяче существ того же облика, как и мои захватчики, каковыми я считал их теперь, несмотря на туманный способ, посредством которого я был пойман в ловушку.

Если не считать украшений, все были совершенно наги. Женщины лишь немногим отличались от мужчин, за исключением лишь того, что их клыки, пропорционально росту, были значительно длиннее, причем у некоторых они достигали высоко расположенных ушей. Тела их были меньше и имели более светлую окраску, а на пальцах рук и ног виднелись зачатки ногтей, совершенно отсутствующих у мужской половины. Рост взрослых женщин достигал 10–12 футов.

Тела детей были светлого цвета, даже светлее, чем у женщин. Мне казалось, что все они совершенно одинаковы, за исключением того, что одни были выше других, следовательно, и старше.

Среди марсиан я не заметил особенно престарелых. В их внешности нет особенной разницы, начиная от зрелого возраста – сорока лет – до тысячелетнего возраста, когда они добровольно отправляются в свое последнее страшное плавание по реке Исс, исток которой неизвестен ни одному живому марсианину, и из лона которой еще никогда никто не вернулся, а если бы и вернулся, то его никогда не оставили бы в живых после того, как он проплыл ее холодные, темные воды.

Не более одного марсианина из тысячи умирает от болезни или несчастного случая, а около двадцати из тысячи предпринимают добровольное паломничество. Остальные девятьсот семьдесят девять погибают насильственной смертью на дуэлях, на охоте, в авиационных полетах и на войне; но наибольшая смертность имеет место в детском возрасте, когда неисчислимое количество маленьких марсиан падают жертвой больших белых обезьян Марса.

Средний возраст, которого достигают марсиане после наступления зрелости – около трехсот лет, но он дошел бы и до тысячи, если бы не различного рода насильственная смерть. Из-за неуклонно исчезающих жизненных ресурсов планеты, по-видимому, представлялось необходимым противодействовать возрастающей долговечности, являющейся результатом их исключительных познаний в области терапии и хирургии. Итак, человеческая жизнь на Марсе потеряла свою первоначальную ценность, что следует из различных видов опасного спорта, появившегося из-за непрекращающейся вражды между отдельными общинами.

Есть еще ряд естественных причин, вызывающих уменьшение населения, но самая серьезная из всех – это та, что ни один мужчина и ни одна женщина на Марсе никогда не ходит без какого-нибудь смертоносного оружия.

Когда мы приблизились к площади, и мое присутствие было обнаружено, мы были немедленно окружены сотнями этих уродов, которые, казалось, горели желанием стащить меня с сиденья позади моего стража.

Одно слово вождя, и шум прекратился, и мы стали пересекать площадь по направлению к великолепному сооружению, подобного которому никогда не видел глаз смертного.

Здание было невысокое, однако занимало громадную площадь. Оно было построено из сверкающего белого мрамора, выложенного золотом и бриллиантами, которые сверкали и переливались всеми цветами радуги под лучами солнца. Главный вход был шириной в несколько сот футов и выдавался из здания так, что над входной галереей образовался огромный навес. Лестницы не было, но небольшой наклон, ведущий на первый этаж, расширился и превращался в гигантский зал, окруженный галереями.

В этом помещении, заставленном большим количеством разных пюпитров и стульев, собралось около сорока или пятидесяти марсиан мужского пола. Все они сгрудились возле ступеней широкого возвышения. На нем крышке восседал на корточках огромный воин, украшенный с ног до головы металлическими изделиями, разноцветными перьями и красиво сделанным кожаным убором, изящно выложенным драгоценными камнями.

С его плеч свисала короткая мантия из белого меха на подкладке из яркого пурпурного шелка.

Что меня поразило, как наиболее замечательное во всей этой картине, это полнейшая непропорциональность этих существ по отношению к столам, стульям и другой мебели. Все эти предметы были приспособлены для человеческого роста, вроде меня, в то время как огромные тела марсиан с невероятными усилиями втискивались в стулья, а под пюпитрами не хватало места для их длинных ног. Из этого следовало, что на Марсе имелись еще и другие обитатели, помимо тех, в руки которых я попал; с другой стороны, признаки большой древности всей окружающей обстановки свидетельствовали о том, что эти строения могли принадлежать давно вымершей и забытой расе, обитавшей на Марсе в незапамятные времена.

Наш отряд остановился у входа в здание, и по знаку вождя, меня опустили на пол. Опять рука об руку с воином мы прошли в зал аудиенций. По-видимому, на Марсе церемония приближения к верховному вождю не была сопряжена с особенными формальностями.

Взявший меня в плен воин просто продвинулся к возвышению, причем остальные расступились, по мере того, как он проходил вперед. Сидевший на возвышении поднялся на ноги и произнес имя моего конвоира, который в свою очередь остановился и повторил имя правителя, после чего следовал полный его титул.

В тот момент вся церемония и произнесенные слова не имели для меня никакого значения, но позднее я узнал, что это является обычной формой приветствия между зелеными марсианами. Если люди – чужестранцы, а потому не в состоянии обменяться именами, они должны молчаливо обменяться украшениями, если миссия их мирного характера. В противном случае они обменялись бы выстрелами или завоевали бы себе право входа каким-нибудь другим оружием.

Имя взявшего меня в плен было Тарс Таркас. Он был вице-вождем общины и был известен как государственный ум и как воин. По-видимому, он кратко доложил о приключениях, связанных с его экспедицией, включая и взятие меня в плен, а когда он кончил, верховный вождь обратился ко мне.

Я ответил на нашем добром английском только для того, чтобы убедить его, что ни один из нас не в состоянии понять другого, но заметил, что, когда по окончании своей речи я слегка улыбнулся, он сделал то же самое. Этот факт и аналогичный ему во время моей первой беседы с Тарс Таркасом убедил меня в том, что у нас есть хотя бы общее: способность улыбаться, а следовательно и смеяться; это указывало на наличие чувства юмора. Но

позднее я узнал, что улыбка марсианина – чисто внешнее проявление чувства юмора, а смех марсианина может заставить поседеть самого крепкого человека.

Идея юмора у зеленых обитателей Марса далеко отступает от нашего понимания возбудителей веселости. Например, предсмертная агония товарища может вызвать самое необузданное веселье, а лучшим развлечением они считают убийство военнопленных самыми дикими и ужасными способами.

Собравшиеся воины разглядывали меня, подойдя ко мне вплотную и ощупывая мои мускулы и кожу. Затем верховный вождь изъявил, очевидно, желание видеть мое представление и, сделав мне знак следовать за ним, направился с Тарс Таркасом к открытой площади.

Со времени моей первой неудачной попытки ходить, я больше не брался за это опасное дело, исключая те два случая, когда я шел рука об руку с Тарс Таркасом; теперь же, предоставленный самому себе, я продвигался между столами и стульями, спотыкаясь и падая подобно огромному кузнечнику. Получив несколько весьма ощутимых ушибов, к большому удовольствию марсиан, я опять хотел прибегнуть к испытанному способу ползанья, но это оказалось для них нежелательным, и я был грубо поставлен на ноги каким-то огромным детиной, который больше всех смеялся над моими неудачами.

Когда он наградил меня тумакон, чтобы поставить на ноги, физиономия его была от меня на очень близком расстоянии, и я сделал то, что оставалось сделать джентльмену, попавшему в атмосферу грубости, необузданности и полнейшего отсутствия уважения прав чужестранца: я ударил его кулаком по челюсти, и он свалился наземь, как заколотый бык. Когда он упал, я повернулся и прислонился спиной к одному из пюпитров, ожидая мстительного нападения его товарищей, и твердо решил дать им перед смертью хороший бой, насколько позволят мне неравные силы.

Но опасения мои оказались совершенно необоснованными, так как остальные марсиане, в первый момент совершенно ошеломленные моим поступком, в конце концов разразились диким хохотом и бурными рукоплесканиями. В этот момент я не знал, как мне понять всю эту сцену, но позднее узнал, что они почтили меня выражением своего одобрения.

Верзила, которого я сшиб с ног, лежал на том же месте, где он свалился, но ни один из товарищей даже не подошел к нему. Тарс Таркас подошел ко мне, протянув одну из своих рук, и так мы дошли до площади без дальнейших приключений. Я не знал, зачем мы пришли на открытое место, но вскоре получил разъяснение этому. Вначале они несколько раз повторили слово «сак». Затем Таркас сделал несколько прыжков, причем перед каждым произнесил слово «сак». Затем, обернувшись ко мне, он сказал «сак». Я понял смысл их желания и, собравшись с силами, сделал такой «сак», что поднялся на добрые полтора фута; но на этот раз я не потерял равновесия, а встал на ноги, даже не упав. Затем несколькими прыжками по 20–30 футов я возвратился к группе воинов.

Мое представление было дано в присутствии нескольких сот маленьких марсиан, и они немедленно стали просить повторения. Верховный вождь не преминул дать мне соответствующий приказ, но я был голоден, хотел пить и тут же решил, что единственным выходом из этого положения будет потребовать от этих уродов внимания к себе, которое вряд ли будет выказано ими по доброй воле. Поэтому, не обращая внимания на повторные приказы «сак», я, как только произносилось ими это слово, показывал на свой рот и потирал живот.

Тарс Таркас и верховный вождь обменялись несколькими словами и первый, вызвав из толпы молодую женщину, дал ей какое-то распоряжение и сделал мне знак, чтобы я последовал за ней. Я ухватился за предложенную мне руку, и мы вместе стали пересекать площадь по направлению к большому зданию по ту сторону ее.

Моя «красивая» спутница была около восьми футов ростом. Она только что достигла зрелости, но рост ее еще не достиг своего максимального предела. Вся она была светло-зеленого цвета, с гладкой, лоснящейся кожей.

Как я узнал потом, ее имя было Сола, и она принадлежала к свите Тарс Таркаса. Она привела меня в большую комнату, помещавшуюся в одном из зданий, выходящих на площадь. Судя по разбросанным на полу лоскутам шелка и меха, это была спальня туземцев.

Комната освещалась несколькими большими окнами и была красиво украшена настенной живописью и мозаикой, но на всем этом лежал как бы неопределенный отпечаток древности, который ясно говорил о том, что архитекторы и создатели этих чудесных произведений искусства не имели ничего общего с этими дикими полужверьми, обитающими в них теперь.

Сола знаком попросила меня сесть на кучу шелка посреди комнаты и, обернувшись, издала страшный шипящий звук, как бы подавая знак кому-то, находящемуся в соседнем помещении. В ответ на ее зов я впервые увидел новое чудо Марса. Оно вошло, покачиваясь на десяти тонких ножках, и село на корточки перед девушкой, подобно послушному щенку. Чудовище было ростом с шотландского пони, но голова его несколько напоминала голову лягушки, за исключением лишь того, что челюсти его были снабжены тремя рядами острых, длинных клыков.

5. Я ускользаю от своей сторожевой собаки

Сола посмотрела прямо в злые глаза странного зверя, произнесла повелительным тоном одно или два слова, указала на меня и вышла из комнаты. Меня крайне интересовал вопрос, что будет делать это кровожадное с виду чудовище, оставленное наедине в непосредственной близости с таким изысканным мясным блюдом, как я; но опасения мои оказались напрасными, так как, осмотрев меня весьма внимательно, это безобразное создание пересекло комнату по направлению к единственному выходу на улицу и вытянулось во всю свою длину у порога.

Это было мое первое знакомство с марсианской сторожевой собакой, но опыт этот оказался не последним, так как зверь добросовестно охранял меня все то время, которое я провел в качестве пленника среди этих зеленых уродов. Дважды это чудовище спасало мне жизнь и ни разу не покидало меня ни на минуту.

Я воспользовался отсутствием Сола, чтобы осмотреть комнату, которая оказалась местом моего заключения. Настенная живопись изображала сцены редкой и прекрасной красоты: горы, реки, озера, моря, луга, деревья и цветы, извилистые проселочные дороги – словом, все то, что могло бы быть изображением видов Земли, если бы не иная окраска растительности. Работа принадлежала, очевидно, руке большого мастера, так прозрачна была атмосфера, так совершенна техника выполнения; но нигде ни одного изображения животного, человека или зверя, на основании которого я мог бы судить об этих иных, вероятно вымерших, обитателях Марса.

Пока я предоставил своей фантазии совершать бешено-необузданный полет в поисках возможного объяснения странных аномалий, с которыми мне пришлось столкнуться на Марсе, Сола возвратилась с едой и питьем. Она поставила то и другое на пол возле меня, а сама села поодаль, не сводя с меня внимательного взгляда. Еда состояла из фунта какого-то плотного вещества – консистенции нашего сыра, лишённого всякого вкуса, а жидкость представляла собой, очевидно, молоко какого-то животного. Она не была неприятна на вкус, хотя была несколько кисловата, и впоследствии я очень полюбил ее. Происходила она, как я узнал позднее, не от животного, так как на всем Марсе имеется лишь одно млекопитающее, являющееся, конечно, здесь большой редкостью, а добывается эта жидкость из большого растения, растущего совершенно без воды, накапливающего, однако, свой обильный запас молока из продуктов почвы, влаги, воздуха и лучей солнца. Одно такое растение дает от восьми до десяти четвертей молока в день.

Насытившись, я почувствовал себя значительно лучше. Ощущая непреодолимую потребность в отдыхе, я растянулся на шелковых тряпках и вскоре заснул. Я проспал, очевидно, несколько часов, так как, когда проснулся, было темно и, мне было очень холодно. Я обнаружил, что кто-то набросил на меня мех, но он соскользнул с меня, и в темноте я никак не мог найти его. Вдруг чья-то рука положила на меня мех, а вскоре прибавила к нему еще один.

Я подумал, что это Сола была моим верным стражем, и не ошибся. Из всех зеленых марсиан, с которыми мне пришлось сталкиваться, только в этой девушке я нашел черты симпатии, приветливости и преданности.

Ее забота обо мне была неусыпна, а доброе отношение избавляло меня от многих страданий и трудностей.

Как я узнал впоследствии, ночи на Марсе чрезвычайно холодные, а так как здесь нет ни сумерек, ни зари, то перепады температуры всегда очень резки и неприятны, как и переход от яркого дневного света к полному мраку. Ночи либо ярко освещены, либо совершенно темны.

Если на небе нет ни одной из двух лун Марса, внизу царит абсолютный мрак, так как недостаточное количество атмосферы, вернее, слишком разряженная атмосфера не пропускает звездный свет на большие расстояния; в противном случае, если обе луны появляются ночью на небе, то поверхность планеты ярко освещена.

Обе луны Марса значительно ближе к этой планете, нежели наша Луна к Земле. Ближайшая луна находится от Марса всего на расстоянии в пять тысяч миль; наша же Луна отделена от Земли расстоянием в четверть миллиона миль.

Ближайшая к Марксу луна делает полное обращение вокруг планеты в течение семи с половиной часов, так что два-три раза в ночь можно видеть ее пролетающей по небу, подобно огромному метеориту, и при каждом своем пробеге она показывает все свои фазы.

Более отдаленная от Марса луна обращается вокруг него в тридцать с четвертью часов и, вместе со своим спутником, превращает ночную панораму на Марсе в исключительно величественное и великолепное зрелище. И хорошо, что природа так милостиво и щедро осветила ночь на Марсе, так как зеленые марсиане, будучи кочевым племенем без высокого интеллектуального развития, имеют в своем распоряжении лишь самые примитивные средства искусственного освещения, применяя главным образом факелы, род свечи и известную лишь на Марсе масляную лампу, испускающую особый газ и горящую без фитиля.

Изобретенье это дает очень яркий, далеко распространяющийся белый свет, но так как натуральное масло, требующееся для него, может быть добыто лишь посредством рудокopных работ в нескольких весьма отдаленных и глухих местах, то аппарат этот применяется очень редко обитателями Марса, так как они заботятся лишь о заполнении дневного времени, а отвращение ко всякому мыслительному труду оставило их в полудиком состоянии в течение неисчислимого ряда лет.

После того как Сола привела в порядок мои покрывала, я вновь заснул и не просыпался уже до самого утра. Остальные пять обитателей комнаты были женщины, и все они еще спали, покрытые целыми грудями пестрого шелка и мехов. У порога лежал, вытянувшись, бессонный сторожевой зверь, точно в той же позе, каким я видел его накануне. По-видимому, с тех пор он не пошевелил ни единым мускулом; глаза его были неотрывно устремлены на меня, и я подумал о том, что было бы со мной, если бы мне вздумалось бежать.

Я всегда был склонен к приключениям и экспериментам там, где более разумные люди спокойно выжидали бы естественного хода событий. На этот раз мне пришла в голову мысль, что лучшим способом изучения истинного отношения ко мне этого чудовища будет попытка выйти из комнаты. Я был совершенно уверен, что стоит мне только выйти из здания, и я с легкостью ускользну от него, так как начал твердо верить в свои прыгательные способности. Судя же по его коротким ножкам, я мог с уверенностью сказать, что страж мой не прыгун и даже не скороход.

Медленно и осторожно я встал на ноги, и в то же мгновение мой часовой сделал то же самое. Я осторожно продвигался к нему, причем обнаружил, что при помощи качающейся поступи я могу сохранять равновесие и довольно быстро продвигаться вперед. Когда я приблизился к чудовищу, оно отодвинулось в сторону, чтобы дать мне пройти, затем двинулось за мной, следуя на расстоянии десяти шагов, пока я шагал по пустынным улицам.

— Очевидно, его миссия состоит лишь в моей охране, — подумал я. Но когда мы дошли до окраины города, оно внезапно прыгнуло вперед меня, издавая странные звуки и обнажая свои уродливые и страшные клыки. Желая немного позабавиться, я бросился к нему и в двух шагах от него прыгнул вверх, поднялся высоко над ним и вылетел за пределы города. А он несся вперед с быстротой, которая казалась мне совершенно невероятной. Я думал, что его короткие ноги не могут иметь ничего общего с быстротой, но оказалось, что если бы он пустился бежать вместе с борзыми собаками, то последние показались бы спящими по сравнению с ним. Как я узнал потом, это самое быстрое животное на Марсе. Благодаря

сообразительности, преданности и свирепости, его употребляют на охоте, на войне и в качестве сторожа.

Я вскоре понял, что мне трудно будет ускользнуть от когтей чудовища, если буду продвигаться по прямой линии, поэтому я стал бросаться в разные стороны, поднимаясь в воздух каждый раз, как только он приближался ко мне. Этот маневр принес мне значительное преимущество над моим преследователем, и я достиг города намного раньше его, а когда он, совершенно выведенный из себя, добежал до меня, я прыгнул на тридцать футов вверх и вскочил прямо в окно одного из зданий, выходящих в долину.

Ухватившись за подоконник, я уселся на нем, не заглядывая внутрь здания и не отводя взора от разъяренного животного внизу. Торжество мое, однако, было весьма кратковременным, так как не успел я удобно примоститься на подоконнике, как огромная рука схватила меня сзади за шиворот и с силой втащила в комнату. Здесь я был брошен на спину и увидел прямо перед собой колоссальное обезьяноподобное существо, белое и безволосое, за исключением лишь огромного пука щетинистых волос на голове.

6. Битва, одарившая меня друзьями

Существо, гораздо больше походившее на наших земных людей, нежели виденные мною до сих пор зеленые марсиане, держало меня пригвожденным к полу одной громадной лапой, одновременно болтая и оживленно жестикулируя другой. Второе существо, очевидно товарищ первого, вскоре приблизилось к нам, неся в руке большую каменную дубинку, которой оно, очевидно, собиралось прихлопнуть меня.

Существа эти были от десяти до пятнадцати футов высоты, когда они стояли прямо во весь рост, и имели, подобно зеленым марсианам, по несколько промежуточных рук и ног, посредине между верхними и нижними конечностями. Глаза их были посажены близко один к другому и не вращались, уши помещались высоко, но более по бокам головы, чем у зеленых марсиан, их зубы и морды были точно такие же, как у нашей африканской гориллы. В общем они даже не лишены были привлекательности по сравнению с зелеными марсианами.

Дубинка уже покачивалась под сводом комнаты, прямо над моим обращенным вверх лицом, как вдруг какое-то ужасное многоногое животное ворвалось в дверь и бросилось на моего палача. С воплем ужаса державшая меня обезьяна выскочила в открытое окно, в то время как ее товарищ схватился не на жизнь, а на смерть с моим избавителем, оказавшимся не кем иным, как моим верным сторожевым зверем. Я никак не мог заставить себя называть это чудовищное существо собакой.

Я постарался как можно быстрее вскочить на ноги и, прислонившись к стене, стал наблюдать схватку, лицезрение которой выпадает на долю немногим. Сила, ловкость и ярость этих двух существ не похожи ни на что, известное земному человеку. Первый прием дал преимущество моему защитнику, так как его могучие когти впились в грудь его соперника, но огромные лапы и руки обезьяны, снабженные мускулами, значительно превосходящими мускулы виденных мною до сих пор марсиан, охватили горло моего стража и медленно выжимали из него жизнь, запрокинув ему голову назад, так что я был уверен, что тот каждую секунду может упасть со сломанной шеей.

Грудь обезьяны была изодрана в клочья ужасными когтями моего спасителя. Они катались по полу, причем ни один не издал ни звука ужаса или боли. Я видел, что глаза моего зверя совершенно вылезли из орбит, а из ноздрей его течет кровь. Было совершенно очевидно, что он слабеет, но то же самое происходило и с обезьяной, движения которой делались все менее и менее резкими.

Внезапно я пришел в себя и, следуя странному инстинкту, который всегда призывал меня к исполнению: моего долга, схватил дубину и, взмахнул ею, изо всей силы ударил обезьяну по голове, расколов ее череп, как яичную скорлупу.

Не успел я нанести этот удар, как уже стоял лицом к лицу с новой опасностью. Товарищ обезьяны, пришедший в себя после первого ощущения ужаса, вернулся в дом каким-то внутренним выходом. Я заметил его прежде, чем он успел войти в дверь, и, должен сознаться, что при виде его, ревущего над безжизненным телом товарища, охваченного безграничной яростью, с пастью, покрытой пеной – мою душу охватили мрачные предчувствия.

Я согласен вступить в борьбу, когда шансы противника не слишком превышают мои, но в данном случае я не усматривал целесообразности в попытке помериться с ним силой. По моему мнению, единственным исходом такого столкновения должна была быть моя смерть.

Я стоял близко к окну, и у меня мелькнула мысль, что стоит мне очутиться на улице, как я смогу достичь площади и одновременно полной безопасности прежде, чем зверь успеет схватить меня; тут был шанс на спасение при помощи взлета, против смерти, совершенно определенной в том случае, если я останусь и вступлю в отчаянную борьбу.

Правда, в руке у меня была дубина, но что я мог поделаться с ней против четырех огромных лап моего соперника. Если даже я сломаю одну из них первым ударом, он схватит и сомнет меня остальными прежде, чем я соберусь с силами для повторного нападения.

В то время как эти мысли проносились у меня в голове, я обернулся к окну, чтобы привести свой план в исполнение, но в этот момент мой взор упал на моего стража, и мой проект полета испарился. Он лежал на полу совершенно обессиленный, и его огромные глаза не отрываясь глядели на меня с выражением мольбы и защиты. Я не мог противостоять этому взгляду, не мог покинуть своего спасителя, не вступившись за него, так же, как он вступился за меня. Итак, без дальнейших колебаний я повернулся, чтобы встретить нападение разъяренной обезьяны. Она была теперь так близко от меня, что я мог пустить в ход дубину соответствующим образом, поэтому я просто нанес ей сильный удар. Удар пришелся под колено; зверь взвыл от ярости и боли. Он потерял равновесие и повалился прямо на меня с протянутыми вперед лапами.

Опять, как накануне, я прибегаю к человеческим приемам: кулаком правой руки я нанес ему сильный удар в подбородок, и непосредственно за этим моя левая рука ударила его под лопатку. Эффект превзошел все ожидания: когда после второго удара я отступил немного в сторону, он взвыл и упал навзничь, извиваясь от боли и задыхаясь. Перепрыгнув через его распростертое тело, я схватил дубинку и прикончил его, не дав ему даже подняться на ноги. Когда я нанес второй удар, тихий смех раздался позади меня. Обернувшись, я увидел Тарс Таркаса, Сола и еще трех или четырех воинов, стоявших в дверях комнаты. Когда мои глаза встретились с их глазами, я снова услышал рукоплескания, которым они дарят немногим, да и то в исключительно редких случаях.

Проснувшись, Сола заметила мое отсутствие, о чем быстро уведомила Тарс Таркаса, немедленно отправившегося с горсточкой воинов на поиски. Когда они приблизились к окраине города, то оказались свидетелями поступков разъяренной обезьяны, бросившейся внутрь здания.

Они последовали за ней, не полагая, однако, что она поможет им обнаружить мое местопребывание. И вдруг, совершенно неожиданно для самих себя, они оказались зрителями разыгравшейся на их глазах короткой, но решительной схватки. Этот бой, равно как и вчерашний с молодым воином, а также моя ловкость по части прыжков сильно подняли меня в их глазах. Не признавая никаких утонченных чувств дружбы, любви или преданности, люди эти преклонялись перед физической силой и отвагой. До тех пор объект кажется им дорогим для обожания, пока он поддерживает свое положение повторением примеров ловкости, силы и храбрости.

Сола, сопровождавшая по собственному желанию воинов, искавших меня, была единственным существом, которое не смеялось, когда я боролся за свою жизнь. Напротив, она, казалось, была охвачена мрачным беспокойством, и как только я прикончил чудовище, бросилась ко мне и заботливо осмотрела мое тело, ища на нем раны или повреждения. Удостоверившись, что я вышел из битвы целым и невредимым, она спокойно улыбнулась, и, взяв меня за руку, направилась к двери комнаты.

Тарс Таркас и другие воины вошли в комнату и остановились возле быстро приходившего в себя существа, спасшего мою жизнь, и жизнь которого я спас в свою очередь. Они, по-видимому, о чем-то рассуждали, и, наконец, один из них обратился ко мне, но, вспомнив, что я не знаю их языка, вновь обернулся к Тарс Таркасу, который одним словом и жестом отдал какое-то приказание воину и повернулся, чтобы последовать за нами.

Во всем этом я усмотрел что-то угрожающее моему зверю, и не решался уйти прежде чем не узнаю, в чем дело. И я хорошо сделал, так как воин вытащил из-за пояса огромный пистолет и уже хотел прикончить им животное, но я прыгнул к нему и схватил его за

руку. Пуля пробила деревянную облицовку окна и взорвалась, пробив огромное отверстие в дереве и каменной кладке.

Тогда я встал на колени возле этого ужасного на вид существа и, поставив его на ноги, приказал ему следовать за мной. Мой поступок привел марсиан в полнейшее недоумение: они совершенно не понимали таких чувств, как благодарность и сострадание. Воин, у которого я выбил из рук оружие, вопросительно посмотрел на Тарс Таркаса, но тот знаком приказал предоставить мне возможность поступать по моему усмотрению. Итак, мы возвратились на площадь – за мной по пятам следовал мой большой безобразный зверь, а рядом со мной шла Сола. В конце концов, на Марсе у меня оказалось двое друзей – молодая женщина и безгласный зверь, в бедной, уродливой оболочке которого было больше любви, нежели у всех зеленых марсиан, скитавшихся по мертвым морям Марса.

7. Дети марсиан

После завтрака, который был точной копией, меню предыдущего дня и прототипом всех фактически последовавших за ним в течение всего того времени, что я пробыл с зелеными людьми Марса, Сола провела меня на площадь, где я застал всю общину занятой наблюдением за работой по загрузке огромных мастодонтообразных животных в большие трехколесные повозки. Там было около двух с половиной сотен этих повозок, в каждую было впряжено по одному животному. Судя по их виду, каждое из них легко могло бы вынести на себе целый основательно нагруженный фургон фуража.

Сами повозки были велики, удобны и роскошно разукрашены. На каждой из них сидела женщина-марсианка, увешанная металлическими украшениями, драгоценными камнями и мехами, а на спине животного, везшего повозку, восседал молодой марсианский возница. Подобно животным, на которых ехали воины, более грубые упряжные животные тоже не имели ни удила, ни поводьев и управлялись исключительно при помощи телепатии.

Эта телепатическая сила изумительно развита во всех марсианах и щедро искупает примитивность их языка и сравнительно небольшое количество слов, которыми они обмениваются даже в длинных беседах. Это универсальный язык Марса, посредством которого высшие и низшие животные Марса могут общаться между собой, в большей или меньшей степени, в зависимости от сферы интеллектуальных интересов каждого вида, от развития индивида.

Когда кавалькада, выстроившись гуськом, тронулась в путь, Сола втощила меня в пустую повозку, и мы последовали вместе с процессией по направлению к тому пункту, через который я вступил в город накануне. Во главе каравана ехало около двухсот воинов, по пять в ряд, и такое же количество находилось в арьергарде, между тем двадцать или тридцать всадников составляли нашу охрану с каждой стороны.

Все, кроме меня, мужчины и женщины были хорошо вооружены, и в хвосте каждой повозки шествовала марсианская собака. Моя собственная собака следовала непосредственно за нами. В самом деле, верное животное в течение всех десяти лет, что я провел на Марсе, ни разу добровольно не покидало меня. Наша дорога проходила через маленькую долину, расположенную перед городом, через холмы и затем вела вниз на дно мертвого моря, которое я пересек в своем путешествии от инкубатора до площади. Инкубатор, как оказалось, был конечным пунктом нашего путешествия в этот день, и вся кавалькада пустилась бешеным галопом, как только мы достигли плоской поверхности морского дна. Вскоре цель наших стремлений предстала перед нашим взором.

Когда мы приблизились к ней, повозки, с точностью, применяемой в военном деле, были расположены по четырем сторонам отгороженного пространства, и человек десять воинов во главе с гигантом-вождем и при участии Тарс Таркаса и нескольких других более мелких главарей спустились на землю и направились к инкубатору. Я видел Тарс Таркаса, объяснявшего что-то главному вождю, имя которого, поскольку я могу передать его земным языком, было Лоркас Птомель Джед, причем Джед было его титулом. Я скоро был посвящен в предмет их беседы, так как Тарс Таркас подозвал Солу, сказав ей, чтобы она послала меня к нему. К этому времени я победил все трудности передвижения в условиях жизни на Марсе, и, быстро выполняя его распоряжение, приблизился с той стороны инкубатора, где стояли воины.

Когда я подошел к ним, то сразу увидел, что почти из всех яиц, за малым исключением, вылупились отвратительные маленькие дьяволята, которыми инкубатор кишмя кишел. Ростом они были от трех до четырех футов и без усталости передвигались с места на место, как бы в поисках пищи.

Когда я остановился перед Тарс Таркасом, он указал рукой вверх инкубатора и произнес «сак». Я понял, что он хочет, чтобы я, в назидание Лоркас Птомелю, повторил свой подвиг вчерашнего дня и, так как должен сознаться, что моя доблесть принесла мне немалое удовлетворение, быстро ответил на его предложение, прыгнув высоко через выстроившиеся повозки в самый дальний конец инкубатора. Когда же я вернулся, Лоркас Птомель пробурчал что-то в мою сторону, а затем, обратившись к своим воинам, отдал в нескольких словах приказ относительно инкубатора. Они больше не обращали на меня никакого внимания и, таким образом, я получил возможность наблюдать за работой, которая свелась к тому, чтобы пробить в стене инкубатора достаточно широкое отверстие, чтобы дать выход юным марсианам.

По обе стороны этого отверстия женщины и более молодые марсиане обоего пола образовали две сплошные стены, протянувшиеся мимо повозок далеко вперед, в равнину, расположенную по ту сторону от них. Между этими стенами маленькие марсиане бежали со всех ног наподобие диких оленей. Им позволили пробежать проход во всю его длину, а затем женщины и старшие дети ловили их по одному, причем последний в ряду ловил первого из маленьких марсиан в момент, когда он достигал конца коридора. Его сосед по ряду ловил второго, и так до тех пор, пока все малютки не покинули инкубатора. Когда женщинам удавалось захватить маленького, они выходили из ряда и возвращались к своим повозкам, между тем как те малютки, которые попадали в руки молодых людей, потом передавались женщинам. Я увидел, что церемония, если ее можно так назвать, была окончена и, отправившись в поисках Сола, нашел ее в нашей повозке с отвратительным маленьким существом, которое она крепко сжимала в своих объятиях.

Дело воспитания молодых зеленых марсиан заключается единственно в том, чтобы научить их говорить и употреблять оружие, которым их снабжают с самого первого года жизни. Вылупляясь из яиц, в которых они пролежали пять лет, – период инкубации – они выходят на свет вполне развившимися, за исключением роста. Совершенно неизвестные своим матерям, которые в свою очередь затруднились бы указать, хоть с некоторой степенью точности, их отцов, они являются общими детьми и их образование зависит от женщины, которой удалось захватить их, когда они покинули инкубатор.

Их приемные матери могли даже не иметь собственного яйца в инкубаторе, как это было с Солой, которая еще не начала класть яиц, когда менее года тому назад стала матерью младенца другой женщины. Но это не имело никакого значения для зеленых марсиан, так как любовь родителей к детям и детей к родителям так же неизвестна им, как она обычна среди нас.

Я думаю, что эта ужасная система, которая применялась у них веками, явилась прямой причиной утраты всех тонких чувств и более высоких человеческих инстинктов у этих бедных созданий. От рождения они не знают ни отцовской, ни материнской любви, они не понимают значения слов «у себя дома», им внушают, что их существование только терпимо, пока они не докажут своей физической силы и жестокости, не докажут, что они пригодны к жизни. Если окажется налицо какой-нибудь физический недостаток, или вообще какой-нибудь дефект, все равно в каком бы то ни было отношении, их немедленно пристреливают. Не видят они также ни единой слезы, пролитой по поводу многочисленных испытаний, которые им приходится претерпевать, начиная с самого раннего детства.

Я не стану утверждать, что взрослые марсиане намеренно, или без всякой необходимости жестоки к молодым, но они ведут тяжелую и безжалостную борьбу за существование на умирающей планете, все естественные богатства которой истощены до такой степени, что поддержка каждой лишней жизни означает добавочный налог на общину.

Путем тщательного подбора они выращивают только наиболее сильных представителей каждого вида и с почти сверхъестественной дальновидностью регулируют рождаемость

с тем, чтобы она только покрывала смертность. Каждая взрослая женщина-марсианка производит на свет около тридцати яиц в год, и те из них, которые достигают требуемых величин, веса и других специфических качеств, скрывают в тайниках некоторой подпочвенной пещеры, где температура слишком низка для инкубации. Каждый год эти яйца внимательно исследуются советом двадцати старейшин, и из ежегодно поставляемого количества уничтожаются все, кроме сотни самых совершенных. К концу пяти лет из нескольких тысяч произведенных на свет яиц бывает отобрано приблизительно пятьсот – тысяча почти совершенных. Пятьсот из них помещают в почти не пропускающие воздух инкубаторы с тем, чтобы они в течение одного пятилетнего периода достигли полного развития под действием солнечных лучей. Вылупливание из яиц, которое мы наблюдали в этот день, было одним из удачнейших среди явлений подобного рода, так как все яйца, кроме одного на сотню, оказались созревшими к одному дню. Если из оставшихся яиц, впоследствии и вылупились бы маленькие марсиане, мы, во всяком случае, ничего не узнали бы о их судьбе. Их появление на свет не было желательным, так как потомство могло унаследовать и передать дальше склонность к более длительному периоду инкубации и, таким образом, подорвать всю систему, которая существовала веками и давала возможность взрослым марсианам определять время возвращения к инкубатору с точностью до одного часа.

Инкубаторы строятся в отдаленных, хорошо защищенных местах, возможность открытия которых другими племенами мала, или даже вовсе невероятна. Последствием обнаружения инкубатора чужими племенами оказалось бы отсутствие детей в общине еще на один пятилетний период. Впоследствии мне пришлось быть свидетелем результатов такой катастрофы.

Община, часть которой составляли зеленые марсиане, с которыми меня связала судьба, состояла из тридцати тысяч душ. Они кочевали по огромному пространству бесплодной, или почти бесплодной почвы между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты, граничившей на востоке и западе с двумя большими плодородными областями. Их главные квартиры были расположены в юго-западном углу этого участка, вблизи от пересечения двух так называемых «марсианских каналов».

Так как инкубатор был расположен далеко к северу от их собственной территории, по-видимому, на необитаемой и никем не посещаемой равнине, нам предстояло ужасное путешествие, о котором я, естественно, ничего не знал.

После нашего возвращения в мертвый город я провел несколько дней в полном бездействии. На следующий день после нашего возвращения воины уехали куда-то рано утром и вернулись только к моменту наступления темноты. Как я узнал позже, они были в подземных пещерах, в которых сохранялись яйца, и перенесли их в инкубатор, стену которого они затем снова заделали на новый пятилетний период. Подземные помещения, в которых яйца хранились до своего перемещения в инкубатор, были расположены намного миль южнее, чем инкубатор, и каждый год их посещал совет из двадцати старейшин.

Обязанности Сола увеличились теперь вдвойне, так как она была принуждена заботиться о юном марсианине, так же как и обо мне, но ни один из нас не требовал большого внимания, и так как мы были одинаково подвинуты в марсианском образовании, то Сола взялась обучать нас обоих вместе.

Добычей Сола оказался младенец мужского пола, около четырех футов вышины, очень сильный и прекрасно сложенный. К тому же он хорошо учился, и мы достаточно забавлялись, или, по крайней мере, я забавлялся теми отношениями, которые воцарились между нами. Марсианский язык, как я уже сказал, чрезвычайно прост, и через неделю я мог сделать понятными все свои желания и сам понимал все, что мне говорилось. Точно также под руководством Сола я до такой степени развил свои телепатические способности, что скоро мог ощущать практически все, что происходило около меня.

Больше всего удивляло во мне Солу то, что в то время как я легко схватывал телепатические проявления других, и часто, даже тогда, когда они вовсе не для меня предназначались, никто не мог ни при каких обстоятельствах разобрать, что бы то ни было, исходившее из моего сознания.

Вначале это уязвляло меня, но впоследствии я был очень рад этому, так как это давало мне несомненное преимущество над марсианами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.